

3000 ИЕН ДЛЯ СЧАСТЬЯ

СЕМЕЙНАЯ САГА,
ПОКОРИВШАЯ
СЕРДЦА
ЯПОНСКИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ, —
ПРОДАНО БОЛЕЕ
МИЛЛИОНА
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ХИКА ХАРАДА

Хика Харада
3000 иен для счастья

Издательство «Синдбад»

2018

Харада Х.

3000 иен для счастья / Х. Харада — Издательство «Синдбад»,
2018

ISBN 978-5-00131-761-6

Сколько денег нужно для счастливой жизни? Четыре женщины трех поколений обычной токийской семьи – мудрая бабушка Котоко, ее невестка Томоко, сомневающаяся в своем браке, и внучки – беспечная Махо, бережливая Михо – совместными усилиями и каждая самостоятельно ищут ответы на вечные вопросы: надо ли жертвовать сегодняшними желаниями ради накоплений для обеспеченного будущего, важна ли для семейной женщины финансовая самостоятельность, насколько мы способны управлять своей судьбой, до какого момента не поздно начать сначала, что вообще делает человека счастливым: больше денег на счете или что-то другое? Это книга о том, как деньги влияют на поведение и настроение людей, на отношения между ними. О том, как финансовые решения определяют характер. О том, что бережливость бывает страхом, а бывает мудростью. О том, что три тысячи иен – это не много и не мало, а как раз достаточно, чтобы принять решение.

ISBN 978-5-00131-761-6

© Харада Х., 2018

© Издательство «Синдбад», 2018

Содержание

История первая	6
История вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Хика Харада

3000 иен для счастья

####

#####

SANZEN-EN NO TSUKAIKATA

by Hika Harada

How to Use 3000 Yen

© Hika Harada 2018

All rights reserved.

Original Japanese edition published by Chuokoron-Shinsha, Inc., Tokyo.

Russian language translation rights arranged with Chuokoron-Shinsha, Inc.

through The English Agency (Japan) Ltd. and New River Literary Ltd.

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

Издательство «Синдбад», 2026

История первая 3000 иен для счастья

– Как человек потратит три тысячи, так, может, и вся его жизнь сложится, – сказала бабушка.

– Какие три тысячи? Ты о чем, ба? – Михо Микурия оторвалась от книги и подняла голову. – Как это – так и вся жизнь сложится?

– А вот так. Как сказала. Три тысячи – вроде небольшие деньги, а что на них человек купит, что выберет – так и жизнь у него пойдет.

Михо, пришедшая навестить жившую неподалеку бабушку, устроилась в углу комнаты, на коленях у нее лежал томик «Энн с острова Принца Эдуарда»¹. Бабушка сидела за столом и пила чай.

Заметив недоумение на лице Михо, она рассмеялась.

– Вот, например, эту книжку ты когда купила? – спросила она.

– Это твой новогодний подарок.

Михо имела в виду три тысячи иен, полученные от бабушки на Новый год. На них она несколько раз сходила с подружками в «Макдоналдс» и купила эту самую книжку. Больше ни на что не хватило. Михо вовсе не жалела, что так потратила деньги. В «Макдоналдсе» они славно поболтали, а книгу она перечитывает уже в третий раз. История про Энн нравится ей все больше. Михо не думала, что потратила бабушкины деньги зря, но все равно – почему они так быстро кончаются? И с карманными деньгами происходит то же самое.

– Ты свои расходы записываешь?

– Да чего тут записывать-то...

Каждый месяц Михо получала от родителей пятьсот иен. Сходила в «Макдоналдс», книжку купила – и все. Иногда удавалось выпросить у отца или матери еще немного.

Бабушка покачала головой, будто хотела сказать: «Как это на тебя похоже».

– Ладно. А сестра твоя как новогодними деньгами распорядилась?

– Ну как... Пошла с мамой в универмаг и купила лакированный кошелек. Еще карманные деньги добавила.

Сестре, учившейся в старших классах, бабушка тоже подарила на Новый год три тысячи. Михо подумала, что розовый кошелек выглядел слишком взросло, но все равно был очень симпатичным. Сестра предвкушала, как возьмет его на школьную экскурсию.

– Значит, Михо потратила деньги на «Макдоналдс» и книжку, а Махо купила кошелек. Тебе не кажется, что в этом проявляется характер?

– Просто одному человеку нравятся книги, другому – красивые вещи. При чем тут характер? – возразила Михо, а бабушка только пробурчала себе под нос:

– Придет время – поймешь.

Михо не приняла бабушкины слова всерьез. Она была совсем юной и не могла представить, что пустячный выбор способен изменить жизнь человека.

– Как ты на Мариллу² похожа, ба.

– Что-что?

– Ничего, это я просто так.

Михо почему-то неожиданно вспомнился тот разговор.

¹ Книга канадской писательницы Люси Монтгомери о девочке-сироте Энн Ширли. *Здесь и далее – примечания переводчика.*

² Марилла Катберт – приемная мать Энн Ширли.

Она стояла в хозяйственной лавке перед полками, заставленными посудой, и вдруг, вскрикнув, чуть не уронила чайник, который держала в руках.

Полгода назад Михо покинула отчий дом, решив жить самостоятельно, и все это время у нее не было чайника. Чай она заваривала из пакетиков или покупала в комбини³ по дороге на работу.

Перебрав всю полку, она остановила свой выбор на простом стеклянном чайнике. Ровно три тысячи. В нем здорово заваривать травяной чай – хорошо видны цвет и чайники, плюс чайник подходит под ее квартиру, в которой преобладает белый цвет. Да и зеленый чай в нем выглядит красиво.

Михо попыталась вспомнить, чем пользуется сестра. Махо была старше на пять лет, замужем, у нее уже был ребенок. Точно! У нее эмалированный кофейник. Он не только служил для приготовления кофе, но и выполнял функцию чайника, в котором кипятили воду. Сестра влюбилась в этот кофейник с первого взгляда, увидев его в Сети на страничке домохозяйки, помешавшейся на бережливости и заражавшей ею всех вокруг. Махо жаловалась, что кофейник дороговат, но понемножку откладывала деньги и все-таки купила его. Михо помнила, как аккуратно сестра мыла кофейник, чтобы, не дай бог, не поцарапать эмаль. Кофейник стоил 3 980 иен, и для нее эта сумма была достаточно внушительной.

Мама пользовалась чайником от какого-то североευропейского бренда. Ей подарили его на день рождения подруги. Они вместе учились в университете, их юность пришлась на время «экономического пузыря», подъема в экономике Японии в конце 1980-х и, наверное, поэтому постоянно листали женские журналы и всегда были в курсе всего, что касалось моды и вкусной еды.

У бабушки был чайник из датского фарфора, ярко-голубой с белым, и еще заварочный чайничек авторской работы, приобретенный в одном из путешествий. Стоили они очень дорого, на три тысячи такие точно не купишь. Но пользовались ими уже много лет, и от употребления их цена день ото дня снижалась – возможно, на те же три тысячи за год. Оглядываясь назад, Михо вспоминала неизменную картину: бабушка разливает чай из своих чайников. Как же ясно она все это представляет себе...

«Выходит, человек и вправду проявляется в том, как тратит деньги?» – подумала Михо.

Она поставила чайник на полку. Трудно сказать, подойдет он или нет. Прозрачное стекло, из которого он был сделан, показалось ей слишком нежным и хрупким.

Последние несколько лет Михо была сосредоточена на том, чтобы благополучно окончить колледж, найти работу и, съехав от родителей, начать самостоятельную жизнь.

Она устроилась в IT-компанию, офис которой находился в Западном Синдзюку. Компания была не очень большой, и к тому же мутноватой. Босс, которому подчинялась Михо, оказался человеком широкого кругозора, он был открыт всему новому, но от стоявших над ним топ-менеджеров – президента фирмы и прочего начальства – так и несло стариковской мертвечиной.

Изначально фирма появилась как филиал дочерней компании одной телефонной корпорации, но лет десять назад «дочка» отделилась и сменила название. Она получала заказы от правительства и государственных корпораций, и это позволяло сохранять финансовую стабильность.

В колледже Михо никак не могла решить, какую специализацию выбрать, на каком направлении остановиться. И так, в конце концов, она оказалась в этой фирме, где присущая IT-сектору динамичность и предприимчивость сочетались с солидным пакетом социальных льгот.

Проработав год, она сняла квартиру в районе станции Ютэндзи.

³ Комбини – популярные в Японии небольшие круглосуточные магазины в шаговой доступности.

Как давно она мечтала о самостоятельной жизни! Ее семья жила на востоке Токио, в квартале Хигаси Дзюдзё – в десяти минутах ходьбы от станции Дзюдзё и рядом с торговым пассажем Дзюдзё Гиндза, а Михо хотелось пожить в западной части города.

Ей очень нравилось место, где она поселилась. Тихая улочка – это определение идеально ему подходило. По соседству, в пяти минутах езды на велосипеде, находился современный модный район Нака Мэгуро, в двух шагах от дома Михо обнаружила популярную кофейню *BlueBottle*. За квартиру Михо платила 98 тысяч иен в месяц, включая расходы на содержание дома. Немало, конечно, но в Западном Токио это обычная цена. Михо гордилась собой: найти в таком районе квартиру на десять татами⁴, с маленькой кухней да еще в относительно новом доме – большая удача.

Иными словами, она была вполне довольна тем, как идут дела. И в колледже, и на работе она привыкла тщательно обдумывать свои цели и стремилась претворять мечты в жизнь.

Так продолжалось до тех пор, пока не уволили Матиэ Оду.

Матиэ было сорок четыре года. Ее назначили куратором только что поступившей на работу Михо.

Очень талантливая и добрая, хороший специалист, Матиэ не была, как это часто случается, помешана на работе и казалась флегматичной и простодушной.

Матиэ обладала хорошими манерами, воспитание в ней сразу чувствовалось. Однажды Михо пригласили в дом, где ее начальница жила вдвоем с матерью. Это был старый особняк в районе Сугинами, окруженный высокими стенами и пышно разросшимися садовыми деревьями и кустами.

Михо позвонила в старый гулкий колокольчик. Вместе с Матиэ встречать гостью вышла невысокая женщина – ее мать. Она была уже в преклонном возрасте, потому что родила Матиэ поздно – в тридцать пять лет, редкий случай для тех времен.

– Какой у вас дом! – впечатлилась Михо.

– Старый только, хлопот с ним много, – не рисуясь, ответила Матиэ с озабоченным видом. На ней была коричневая блузка в клетку, коричневые вязаные жакет и юбка. Она носила эту юбку и на работе – на совещаниях и встречах с клиентами, дополняя ее темно-синим жакетом. Михо слышала, что стиль ее одежды почти не менялся с тех пор, как Матиэ пришла в компанию. Она была на удивление равнодушна к моде.

– Я в семье единственный ребенок, отец рано ушел из жизни.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – в этом доме живут мать и дочь.

Михо провели в гостиную, где стоял диван, накрытый белым чехлом.

– Мама, посмотри. Это Михо-сан принесла.

– Ой, даже неудобно. Не стоило так утруждать.

Услышав донесшийся из кухни негромкий голос Матиэ, которая распаковывала купленный Михо в Нака Мэгуро чизкейк, Михо подумала: «Какая она все-таки воспитанная».

– Что вы, это такой пустяк. – Михо неожиданно для самой себя громко добавила: – Не стоит беспокоиться!

Живя с родителями в Дзюдзё, Михо часто бывала в гостях и привыкла думать, что слова «ничего-ничего, не стоит беспокоиться» – это проявление уважения и вежливости. Вот только не надо было так громко говорить, как-то неловко получилось.

Мать и дочь с шутками и улыбками принесли чай в старинных японских чашечках – с розочками. К чаю подали принесенный Михо чизкейк и рисовые крекеры.

– Крекеры мама сама сделала, – сказала Матиэ, и щеки ее порозовели.

⁴ Татами – маты, которыми застилают полы в традиционном японском жилище. Татами также является единицей измерения площади: 1 татами = 1,65 кв. м.

– А на Новый год я приготовила кагамимоти⁵, – сообщила мать, покраснев вслед за дочерью.

– У нас тут есть кондитерская с японскими сладостями. Мы давние ее клиенты. Так они каждый год такие большие моти готовят, что мы вдвоем с Матиеэ съесть не можем, и все как-то неудобно сказать, чтобы делали поменьше.

– Потому что мы так давно их знаем, – пояснила Матиеэ.

– Крекеры я к чаю приготовила.

– Михо-сан! Вы такое замечательное угощение принесли. Нам как-то неловко.

– Ой, какие вкусные! – Михо впервые ела чуть подслащенные крекеры, однако их вкус словно напоминал ей о чем-то. Масленные, но совсем не жирные. Чувствовалось, что приготовлены с любовью и на хорошем масле.

– Гостям я всегда их подаю.

– А у моей бабушки получается замечательная маринованная китайская капуста, которой она всегда хочет кого-нибудь угостить.

– Ну как тут не позавидовать? У меня с маринованными овощами беда, не получаются, и все.

При виде матери и дочери, которые хохотали, глядя друг на друга, Михо хотелось нанизать на вертел всех мужчин, сплетничавших на работе о том, сохранила Матиеэ невинность или нет.

В компании Матиеэ любили и считали человеком надежным, что, однако, не избавляло ее от подтрунивания.

И вот весной у Матиеэ случился легкий инсульт. К счастью, это произошло дома, и ее срочно отвезли в больницу. Госпитализация и курс реабилитации заняли около месяца, после чего она вернулась на работу. Поначалу слегка прихрамывала, но через несколько месяцев хромота почти исчезла. Тем не менее Матиеэ все равно на некоторое время освободили от сверхурочной работы. Ее начальник, коллеги и Михо советовали ей как следует отдохнуть. Матиеэ всех благодарила и продолжала восстанавливаться после болезни.

Михо была тронута до слез. «Какая у нас хорошая фирма! Все такие душевные. Значит, у меня верный глаз, с работой я не ошиблась», – думала она с волнением.

Однако с наступлением осени в компании началась масштабная реорганизация, и среди тех, кого она могла затронуть, первой заговорили о Матиеэ. Та тут же уволилась.

После ее ухода Михо стала замечать, что с ней самой что-то не так. За работой, в обеденный перерыв, на совещаниях она вдруг вспоминала Матиеэ. Ее слова, советы, выражение лица, смех. Стоило только Михо подумать, как теперь живет Матиеэ и ее хрупкой маленькой маме, как ее сердце начинало трепетать.

Очевидно, было несколько причин, по которым Матиеэ попала под сокращение: ее ценность как работника снизилась из-за болезни и отказа от сверхурочной работы. Ее было легче уволить, потому что она была не замужем и без детей, владела большим домом, хоть он и был записан на мать (все в компании знали, что она живет в Сугинами). И еще потому, что пусть Матиеэ и не занимала в компании высокой должности, но зарплата у нее, как у работника с университетским образованием и большим стажем, была высокой.

...Но как можно выставить на улицу человека, кем бы он ни был?

Мать Матиеэ, когда Михо ее видела, находилась в добром здравии, однако ей уже было много лет, и вскоре за ней мог потребоваться уход. Матиеэ было уже за сорок, а ведь всем известно, как трудно в таком возрасте найти новую работу.

⁵ Кагамимоти – изделия из клейкого риса в виде приплюснутых шарообразных лепешек. Одна из разновидностей моти – традиционного новогоднего угощения.

На следующий день после увольнения Матиэ Михо смотрела на пустой стол, все еще стоявший напротив ее стола, и чувствовала, как все вокруг становится зыбким, неопределенным. Ее уверенность и спокойствие исчезли, почва будто уходила из-под ног.

Во время перерыва заведующий отделом, заведующие секторами и другие сотрудники размахивали руками, изображая игру в гольф, смеялись. Для этих людей ничего не изменилось, им нет никакого дела до Матиэ, думала Михо.

Как же так?! Разве так можно?!

Но если бы Михо спросили, что можно сделать в такой ситуации, она бы не нашлась с ответом.

Когда Матиэ выбрали жертвой реорганизации, у Михо не хватило духа сказать: «Увольте лучше меня», хотя она и понимала, что молода и найдет работу, пусть и не сразу. Ей это сделать куда легче, чем человеку, которому за сорок.

«Вот такая у нас фирма, – с негодованием думала Михо. – Из-за нее я и стала такой бесчувственной».

Наступил декабрь, а вместе с ним время новогодних корпоративов.

В фирме, где работала Михо, тоже каждый год устраивали вечеринки по случаю окончания года. Мероприятий было два – первое человек на двести, на котором присутствовало начальство (директора департаментов и руководители более низкого ранга), и еще одно, проводившееся в каждом отделе. Бремя организации ложилось на новичков и молодых сотрудников, уже проработавших в компании некоторое время. Так что в эти дни молодежь в возрасте двадцати – двадцати пяти лет буквально умирала от предновогодней суеты и многочисленных забот, без которых не обходится организация таких мероприятий.

В прошлом году Михо тоже крепко досталось на этом поприще. И справиться со всеми делами ей удалось благодаря Матиэ.

Из всех старших коллег только Матиэ могла дать дельные советы по проведению новогодних корпоративов. Каждый год она пользовалась любой возможностью, чтобы поддержать новичков, не имевших опыта подготовки крупных мероприятий, откликалась на любую просьбу и проверяла сделанную работу.

Вспоминая все это, Михо вдруг почувствовала, что того и гляди разрыдается; она даже бросила дело, порученное ей в связи с корпоративом. В прошлом году Михо наверняка не справилась бы со всеми заданиями, если бы не Матиэ. Михо многому научилась у нее и испытывала искреннюю благодарность за поддержку. А теперь она сама могла помочь советом более молодым.

Наступил день корпоратива. Первая его часть прошла без заминок. Для продолжения был выбран караоке-бар. Михо забронировала там большой бокс, в котором поместились все сотрудники отдела. Чтобы подбодрить начальников, которым хотелось петь, но не хватало духа затянуть первыми, Михо проявила инициативу и спела дуэтом с начальником своей секции.

После этого все направились к микрофонам, стараясь перещеголять друг друга, а Михо вздохнула с облегчением и устроилась в углу передохнуть. На вечеринке для начальства она почти ничего не ела – была занята приготовлением коктейлей, следила, чтобы не убежало готовившееся набэ⁶. Немного придя в себя, откусила кусок остывшей пиццы, закусила его картошкой фри и вдруг услышала негромкий голос.

– Ну и что – получилось с ней у Минамиямы или нет?

Всего разговора Михо не расслышала, но тон говорившего был таким скабрёзным и оскорбительным, что хотелось заткнуть уши.

⁶ Набэ, или набэмоно – традиционное зимнее блюдо, нечто среднее между супом и рагу из мяса и овощей. Обычно готовится для посиделок в кругу семьи или друзей.

– Он вроде и не собирался. По крайней мере, сам так говорит. Он еще до такого не дока-
тился.

Послышались сдавленные смешки. Михо осторожно обвела взглядом комнату и увидела в другом углу компанию из пяти-шести человек. Все они в служебной иерархии стояли выше Михо. Сидели, склонив друг к другу головы, чуть не упираясь лбами, и тихонько переговаривались.

Они наблюдали, как поет лучившийся довольством заведующий отделом по фамилии Минамияма, и сплетничали, накачиваясь сакэ.

– Выходит, эта Матиэ все еще целка?

– Вроде того.

Как только Михо поняла, о ком идет речь, кровь будто застыла в жилах и кончики пальцев похолодели.

– Как пошли эти слухи, что она того... с Минамиямой, я тоже забеспокоился.

– Но раз это не так, что ж ты за нее не заступился, когда началась эта реструктуризация?

– Вот именно!

– А может, как раз из-за этих слухов и не заступился? Правдивые они или нет, а лезть в это дело неохота.

– Так или иначе, она пользовалась своим положением и вела себя здесь как хозяйка.

– Трудно ей будет устроиться, если она продолжит в том же духе, – с неуместной серьезностью проговорил заведующий Сайто, стоявший на служебной лестнице на две ступеньки выше Матиэ. – С работой она в общем справлялась, претензий к ней не было, начальство чуть не на руках носило, и вдруг такое... Никак понять не могу. Сомневаюсь, что в другой компании так же будет, – продолжил Сайто, добавив в голос нотку сочувствия. Будто хотел сказать: «Мы ведь тоже люди».

– А то получается, что она от нашей компании пострадала, – с знающим видом заявил завсекцией.

– Что заслужила, то и получила, – раздался незнакомый голос.

Не в силах больше терпеть, Михо направилась в туалет. Переела, что ли? Ее сильно мутило, и она тут же исторгла из себя все, что было в желудке.

– Как пусто внутри от всего этого, – проговорила Михо.

При этих словах Дайки Хасэгава опустил руку, в которой держал чашку кофе с молоком. Из-за предновогодних хлопот Михо давно не виделась со своим парнем. И теперь рассказала ему, что произошло и что она об этом думает.

– Раз уж такое говорят о Матиэ, которая отдавала фирме все силы, какой смысл особо на них горбатиться?

Дайки отвел глаза и, подбирая слова, ответил:

– Думать о работе и о смысле жизни – пустое занятие. Сто процентов. Это всех касается. Не только молодых, но и старичья.

– Ну не знаю.

– Мы все – маленькие люди. Поэтому твои старики и говорили всякие гадости. Их беспокоила судьба Матиэ, вот они и перетирали эту тему, пойми. Ты умеешь смотреть в лицо реальности, признавать свою слабость и незначительность. И это замечательно.

Да, Дайки всегда был таким. Очень добрым, способным утешить. Он умел подбодрить Михо, которая, несмотря на внешнюю уравновешенность, была эмоционально неустойчива и легко впадала в депрессию.

За это она его и полюбила.

– И потом, в их словах есть определенный смысл.

– То есть?

Впервые после долгого перерыва она ощутила доброту Дайки, и тут будто холодок по спине пробежал.

– А вдруг у Матиэ-сан есть другая сторона, о которой ты не знаешь?

– Этого не может быть. Матиэ не такой человек. Вот что бы ты сделал, если бы в компании распускали такие сплетни о тебе?

– Ну что? Промолчал бы и посмеялся над этим. Сплетни в обществе – неизбежное зло. А когда злословят о женщине, не входившей в ядро компании, это вообще никого не задевает и не беспокоит.

Ядро компании... Лицо Дайки вдруг показалось ей очень старым.

– Какие страшные вещи ты говоришь!

– Вовсе нет. Что уж такого плохого в том, что они говорили?

Его слова стали для Михо еще одним потрясением, ее будто ударили по щеке. Это был шок, несильный, но ощутимый.

– Вот ты хвалишь Матиэ-сан, превозносишь ее. Но работа, которую она выполняла, – это, скажем так, смазочное масло для внутреннего механизма компании. Не думаю, что эта деятельность как-то связана с основным функционалом фирмы. Так ли уж она была хороша в работе? В нашей фирме тоже есть женщина, которая давно работает и любит задирать нос, хотя никакой власти не имеет. Честно сказать, мне кажется, от нее одни проблемы. Поневоле подумаешь: а нужна она здесь? Мне кажется, сегодня компании не могут себе позволить кормить таких людей, сейчас не те времена, когда все растет как на дрожжах.

«Кормить...» Ну и словечко! У Михо даже в груди похолодело.

– Так или иначе, это придется принять. Ты все равно ничего не можешь сделать.

От этого вывода Михо содрогнулась.

– То есть ты считаешь, что надо продолжать работать и, если будут такие разговоры, вроде того, про Матиэ, делать вид, что ничего особенного не происходит?

– Ты же не будешь век там сидеть. Когда-нибудь выйдешь замуж, родишь детей и уволишься, как многие другие.

Что? Замуж? Когда-нибудь? Что он такое говорит?

Если бы Дайки произнес эти слова в другом месте и в другое время, возможно, они бы не повлияли на Михо так сильно. Но они прозвучали здесь и сейчас. Михо удивленно посмотрела на приятеля, он отвел глаза, чтобы не встретиться с ней взглядом.

– Я не с такими мыслями поступала на работу. Сейчас очень многие активно работают и после рождения детей.

Неужели Дайки и вправду такой консерватор?

– Ну и работай, если есть желание.

Михо вдруг почувствовала себя одинокой, покинутой. Дайки словно говорил ей: «У меня своя жизнь, а у тебя своя».

Не замечая охватившего Михо смятения, Дайки заговорил о новой проектной команде, созданной в его компании.

В новогодние каникулы Михо побывала в Дзюдзё у родителей.

От матери пришел имейл: «Приезжай скорей. Поможешь убираться и готовить осэти⁷ к Новому году». Михо не спешила откликнуться на этот призыв и 27 декабря сразу после работы отправилась с друзьями по колледжу кататься на лыжах. Вернулась только ночью 30-го и на следующий день, в канун Нового года, проспала до полудня, а ближе к вечеру отправилась к родителям.

⁷ Осэти, или осэти рёри – традиционное японское новогоднее угощение, уложенное в декоративные коробочки.

– Что-то ты не очень торопишься. Что делала? – встретила ее мать – слова ее были жесткими, хотя голос не казался сердитым, – и вдруг засмеялась.

– Привет! – Михо решила оставить вопрос без ответа. Она чувствовала раздражение – от того, что ее появление вызвало смех, и от чувства вины за то, что не приехала помочь матери.

– Тебе ничего не осталось, Михо-тян⁸, – послышался голос сестры, и в прихожей показалась ее трехлетняя дочка.

– Ничего, Михо-тян.

Малышка надула губы, подражая матери.

Михо понимала, что милашка-племянница просто повторяет за взрослыми, не понимая смысла, и все равно от ее слов сердце как-то странно екнуло.

– Сахо! Будешь так с тетей разговаривать – останешься без подарка на Новый год.

– Михо-тян плоха-а-я-я. Боюсь тебя.

Увидев нахмуренное лицо Михо, девочка бросилась к матери.

Михо вошла вслед за ней в комнату, совмещавшую функции столовой и кухни. Бабушка, мать и Махо сидели за столом, заставленным готовящимися праздничными кушаньями.

Все трое подняли головы. Как же они похожи! Михо даже стало неприятно. Бабушка – мать отца, так что с матерью они не кровные родственники, но несмотря на это у обеих слишком большие круглые лица и плотно сжатые маленькие губы. А когда между ними садилась сестра, они напоминали три фасолины, выскочившие из стручка.

И вдобавок еще моя разевшаяся физиономия, на которую приходится каждое утро любоваться в зеркале, подумала Михо.

– А ты все никак не повзрослеешь.

Мать выглядела в десять раз более раздраженной, чем Михо. Сахо зарылась лицом в грудь Махо.

– Ну здравствуй, здравствуй!

Только бабушка встретила Михо спокойно.

– Вот и я.

– А мы уж думали, ты не придешь. Уборку мы закончили, почти все осэти приготовили.

– Я же говорила, что собираюсь покататься на лыжах.

– Михо у нас только кушать любит. А я думала, ты ванну вымоешь, водостоки почистишь.

– Ну, так получилось.

Поняв, что оправдываться бесполезно, Михо замолчала и присела на диван в гостиной.

– Может, все-таки поможешь чуть-чуть? Потом посидишь.

– Могу протереть батат для кинтона⁹. Или для нисики тамаго¹⁰ что-нибудь сделать.

– Уже сделали.

Два этих блюда обязательно присутствовали на новогоднем столе семейства Микурия, и даже Михо, тот еще кулинар, могла их приготовить.

На Михо предновогодняя готовка нагоняла тоску, поэтому она не могла заставить себя сделать к столу что-то кроме кинтона и нисики тамаго. Зато бабушка, мать, а в последнее время и старшая сестра по неведомым Михо причинам готовили с небывалым увлечением.

– Может, я селедку в морскую капусту заверну для кобумаки?¹¹

– Этим уже Махо занимается.

– Или для тикудзэн¹² что-нибудь сделаю?

⁸ Тян – уменьшительный именной суффикс, указывающий на близость и неофициальность отношений.

⁹ Кинтон – новогоднее кушанье из батата, протертого со сладкими бобами, фасолью или каштанами.

¹⁰ Нисикитамаго – сладкое праздничное блюдо на основе яиц.

¹¹ Кобумаки – рыба, завернутая в лист морской капусты, который связывается полосками высушенной тыквы, и так сваренная.

¹² Тикудзэн – рагу из курицы, моркови, сушеных грибов и фасоли.

- Уже готово.
- А таро¹³ почистить не надо?
- С этим еще вчера разобрались.
- Из моркови цветочков нарезать?
- Сестра уже нарезала.
- А соевые бобы отварить?
- Вот бобами мы еще не занимались, но я не могу тебе их доверить.

Действительно, мать и бабушка почему-то считали самым главным делом – сварить черные бобы гладенькими, без морщинок и каждый год с головой уходили в решение этой задачи. Чего они только не придумывали, какие способы не перепробовали, чтобы получить желаемый результат.

На семейных сборищах вроде Нового года они были не разлей вода. В свое время Михо слышала, как мать говорит по телефону со своей матерью – они разговаривали на диалекте, и чувствовалось, что она искренне беспокоится за свекровь.

Мать знала, что все в семье обожают ее свекровь, и никогда не говорила о ней плохо. Но сказать, что они были как мать и дочь, нельзя.

– В общем, в этом году мы вернулись к основам – отказались от скороварки и долго вымачивали бобы с сахаром. Положили бобы в воду три дня назад...

– А кинтон? Из протертого батата делается паста... – Мать могла еще долго распространяться на любимую тему, поэтому Михо прервала ее:

– В позапрошлом году ты его делала, и он подгорел. Надежды на тебя нет. В этом году я сама.

– И что еще осталось?

– Приправить тикудзэн, приправить бобы, пожарить с солью креветки и карпа... и, наконец, разложить блюда. Но тебе я ничего из этого доверить не могу.

– Ну тогда мне делать нечего.

– А не надо опаздывать.

Что ни скажи, разговор все равно идет по кругу, подумала Михо, плюхаясь на диван в соседней комнате.

– Поиграй с Сахо!

– Ладно, поиграю.

Михо повернула голову, чтобы посмотреть на Сахо, но сердитое выражение лица тетки так подействовало на племянницу, что она, обычно с криком бросавшаяся к Михо, стоило той только появиться, теперь прилипла к матери и не отходила от нее ни на шаг.

– Отдохни, внучка. Много работаешь, устала, наверное, – ласково проговорила бабушка.

– Вечно ты, бабушка, Миттян жалеешь. А я тоже устаю – на мне дом, ребенок, – громко запротестовала старшая сестра. Михо притворилась спящей, а три женщины вернулись к своим делам и разговорам.

Ну и пусть, думала Михо. Есть она, нет ее – никому до этого нет дела. Главное – приготовить новогоднее угощение и в доме порядок навести. Мать любила уборку, поэтому в доме всегда все сверкало.

Махо рассчитывала устроиться на работу после того, как Сахо пойдет в детский сад, и наводила справки. Но ничего подходящего пока не нашла. При этом ныла, что муж мало зарабатывает.

Но так ли уж плохо у нее с финансами? Была бы сестра так привередлива в выборе работы, если бы им на еду не хватало? Поэтому бабушка и мать на жалобы Махо никак не реагируют. Слушают, и только.

¹³ Таро – популярное клубневое растение.

Я, конечно, ничего не хочу сказать, думала Михо, но как ее угораздило завести ребенка, когда муж получает всего двести тридцать тысяч в месяц? Тайё, зять Михо, бронзовый от загара, белозубый симпатичный парень, был пожарным. Они с Махо встречались еще со школы и поженились, как только он пошел работать. Сестра окончила двухгодичные курсы и некоторое время трудилась в брокерской конторе возле станции, но, выйдя замуж, уволилась.

Будь я на ее месте, мне бы в голову не пришло сразу забеременеть и уволиться, уж не говоря о том, чтобы выскочить замуж за человека, получающего в год меньше трех миллионов, рассуждала Михо.

Тьфу ты! Почему сегодня такие скверные мысли лезут в голову? Зять – хороший парень, на государственной службе, у него стабильный доход. Сахо – такая миленькая! Когда она родилась, Михо даже расплакалась от радости. И вот на тебе. На кого она злится?

– Тететечка! Ты чего? Проснулась?

Сахо была тут как тут и уже заглядывала Михо в лицо.

– Я не тететечка! Зови меня Михо-тян.

– Ага, тететечка! Ты не спишь!

С веселым смехом Сахо бросилась наутек. Девочке было всего три года, но она прекрасно знала, что Михо сердится, когда ее называют «тететечкой», и не могла не подразнить ее.

– Ну держись!

Михо вскочила с дивана и бросилась за племянницей. Сахо, визжа от восторга, принялась носиться по дому.

Михо вдруг показалось, что она гонится за счастьем, которое никак не дается в руки.

Долго находиться в родительском доме было тяжело, и второго января после обеда Михо, соврав, что появилась срочная работа, уехала к себе.

Сойдя на станции Ютэндзи, она увидела, что пекарня, в которую она постоянно заходила, работает. Купила хлеб, булочки с грецкими орехами и инжиром и пошла домой.

Когда Михо открыла дверь своей квартиры, из груди вырвался вздох облегчения, которому она сама удивилась. Подобного чувства она не испытывала даже в первые дни самостоятельной жизни.

Ей хотелось отделиться, но на новом месте по ночам ее пугали едва слышные звуки, она начинала звонить матери и каждый уик-энд возвращалась под родной кров.

Тут только Михо поняла, что до появления в родительском доме 30 декабря – она не была там уже несколько месяцев.

Живя отдельно, она подспудно была уверена, что в трудную минуту всегда может вернуться к родителям. Но сейчас подумала, что, возможно, их дом больше не будет служить ей последним прибежищем.

Михо быстро наполнила ванну, насыпала в нее свою любимую соль, погрелась в горячей воде и тщательно вымылась.

Выйдя из ванной, открыла холодильник, где стояла недопитая с Рождества бутылка красного вина. Налила вино в бокал и выпила, закусив булочкой с инжиром. Вино было прохладное и вкусное.

Она сделала еще глоток, и из груди вырвался еще один глубокий вздох. Это вино принес на Рождество Дайки. Настроение было так себе, и бутылка осталась недопитой. Они поужинали в заурядном ресторане, Дайки подарил Михо небольшое ожерелье, она ему авторучку за десять тысяч. После ресторана зашли к Михо, посмотрели в интернете какой-то фильм. Этим все и закончилось.

Странно, что пекарня работала второго января¹⁴.

¹⁴ В Японии Новый год празднуют с 29 декабря по 3 января.

Наверное, в этом районе есть желающие купить хлеб уже на второй день нового года. Одинокие люди вроде Михо, те, кто не остался на праздник в родительском доме.

Михо любила свой район. И получала удовольствие от свежего хлеба и вина.

Михо давно знала о существовании такой проблемы.

Ее поднимало телевидение в специальных выпусках, в соцсетях на эту тему было много дискуссий.

Но сама она столкнулась с ней впервые.

В День совершеннолетия¹⁵ Махо прогуливалась по Нака Мэгуро.

Нака Мэгуро – не самое подходящее место для прогулок в одиночку. Там тусуются парочки или компании друзей-приятелей. Кафешки и рестораны у реки Мэгуро, на берегу которой обосновались лавочки, торгующие разными безделушками, сувенирной продукцией, связанной со «звездами» кино и эстрады, заполнены их поклонницами.

Дайки в последнее время был занят на работе. Последний раз они встречались перед Новым годом и пока общались только через мессенджер или по телефону.

Однако Михо это мало беспокоило. Их чувства друг к другу остывали.

Уже почти полгода у нее было ощущение, что эти отношения подходят к концу.

Ну и пусть. Значит, так тому и быть. Когда люди работают в разных компаниях, у них разные ценности, разные взгляды. Раньше Дайки вроде бы с пониманием относился к желанию женщин работать, и что он говорит теперь! Не исключено, что Михо уже стала ему безразлична.

Вдруг послышалось совсем тихое: «Гав!»

Она огляделась по сторонам. Тут же, без малейшей паузы, тоненький писклявый звук повторился: «Гав-гав!» Издававшее его существо словно просило: «Не проходите мимо!»

Михо стояла напротив станции Нака Мэгуро, у здания, где останавливались автобусы и такси. На углу, между ларьками с какой-то снедью, на крошечном свободном кусочке асфальта сидел он.

Чихуахуа с черной полоской на спине, вытаращив глаза, смотрел на Михо. Рядом стоял большой белый пес, казавшийся очень спокойным.

Подняв глаза, она увидела палатку волонтеров, пристраивавших бездомных собак и кошек. На палатке висело много фотографий животных, тут же стояли коробки для сбора пожертвований. На фоне ларьков с жарящимися сосисками и овощами прямо с фермы палатка выглядела более чем скромно.

Однако глазевшие на Михо собаки были так милы, что полностью затмили продуктовый ряд. Невозможно было пройти мимо и не присесть возле них.

– Здравствуйте! Мы волонтеры из *ShineAngels*. Отдаем собак и кошек в хорошие руки, – заговорила с Михо добрая с виду женщина в серой рубашке и штанах цвета хаки, с волосами, забранными под шляпу.

– А они тоже бездомные?

Михо погладила большого пса, подумав, что несправедливо уделять внимание только чихуахуа. Маленькая собачонка сразу затявкала так, словно ее поджаривали. Пес добродушно наблюдал за столь бурным проявлением чувств.

– Да. Из нашего приюта.

– Неужели и чихуахуа к вам попадают?

– Попадают. Вот этого взяли из центра временного содержания.

– Сколько ему лет?

– Точно не скажу. Около пяти, наверное.

Песик потерся головой о колено сидевшей перед ним на корточках Михо.

¹⁵ День совершеннолетия – японский национальный праздник, отмечаемый во второй понедельник января.

– Как же людям не жалко? Они ведь такие симпатичные.

Михо знала о собачьих приютах, но думала, что туда попадают только метисы и большие собаки. Или старые и те, которым нужен уход. Михо восхищалась работой волонтеров, хотя сама никак не решалась завести собаку.

Сейчас при виде бездомных животных сердце ее дрогнуло. Такие здоровые, веселые... Может, она и могла бы взять...

– По-всякому бывает. Вы любите собак?

– У меня была в детстве... – При этих словах у нее защемило в груди.

– Там, где вы живете, можно держать собаку?

– Нет. Я живу в съемной квартире.

– Тогда, наверное, это сложно.

Женщина передала Михо буклетик.

– Здесь другие собаки и кошки. У нас есть сайт в интернете. Мы его обновляем. Зайдите, посмотрите.

– Спасибо.

– Чтобы взять животное, нужно выполнить разные условия, но если у вас получится... Нам приемные родители всегда нужны, так что обращайтесь, если что.

– Большое спасибо.

На прощание женщина разрешила Михо взять чихуахуа на руки. Песик, оказавшийся на удивление теплым, не сводил с нее глаз.

После той встречи Михо не могла думать ни о чем, кроме собак из приюта.

В детстве у нее была маленькая такса, девочка. Ее звали Арахис. Когда она была щенком, цветом и формой туловища очень напоминала арахис.

Михо очень хотелось собаку, она просила, просила и наконец выпросила. Любила свою Арахис без памяти, но когда таксе исполнилось десять лет (Михо тогда училась в тюгакко¹⁶), та вдруг пропала.

Незадолго до этого появились признаки, что с Арахис не все в порядке. Походка у таксы стала нетвердой, она выглядела потерянной. Из-за возраста, наверное. Как-то в дождливый день Арахис ушла из дома и не вернулась.

Михо плакала навзрыд.

В самом начале она поклялась, что будет любить и лелеять свою питомицу всю жизнь, заботиться о ней, но с переходом в старшие классы школьная жизнь, учеба, встречи с друзьями стали занимать все время, и уход за собакой лег на плечи родителей.

Из-за этого в семье время от времени вспыхивали ссоры. В ответ на претензии Михо кричала: «А что я могу сделать? У меня тоже ни на что не хватает времени!»

В такие моменты Арахис забивалась в угол и грустными глазами смотрела на Михо. Умная такса очень переживала – то ли понимала, что люди ссорятся из-за нее, то ли думала, что ее перестали любить.

До сих пор сердце Михо сжималось, когда она вспоминала этот взгляд.

Михо долго искала Арахис, но так и не нашла. Позже она от кого-то услышала, что ее собака оказалась в центре временного содержания. Некоторое время ее там держали в надежде, что найдутся хозяева, а потом усыпили. Михо знала и эту жестокую правду.

Она винила себя за то, что тогда ей не пришлось в голову поискать собаку в центрах временного содержания животных или в приютах. Судьба Арахис оставила глубокий след в сердце Михо. Раскаяние мучило ее. Возможно, взяв собаку из приюта, она хоть как-то искупит свою

¹⁶ В Японии трехступенчатая система школьного образования, включающая шестилетнюю начальную школу (сёгакко), трехлетнюю среднюю школу (тёгакко) и трехлетнюю старшую школу (кото гакко)

вину. Спасет живое существо в память об Арахис. Михо казалось, что это должно стать ее новым предназначением, целью в жизни.

Вернувшись домой, она вышла в сеть и открыла сайт *ShineAngels*.

Сколько там было фотографий! Среди них Михо нашла и фото чихуахуа, с которым познакомилась несколько часов назад. Были там и другие маленькие собачки.

Взгляд невольно останавливался на тех, кто симпатичнее и моложе, Михо стало стыдно, и она чуть было не ушла с сайта.

Но если брать собаку, то не на месяц и даже не на год, поэтому лучше, чтобы животное ей нравилось, подходило по характеру, уговаривала себя Михо, продолжая просматривать фотографии.

Тут она вспомнила, что женщина говорила о каких-то условиях, и нажала на кнопку «Тем, кто думает взять животное». На экране открылся перечень требований.

Во-первых, собаки и кошки должны быть вакцинированы и стерилизованы за счет тех, кто их принимает. Во-вторых, все животные должны содержаться в помещении. Волонтеры привозят собак и кошек на дом, чтобы убедиться в наличии у принимающих жилища, где можно содержать животных. В-третьих, у принимающего должен быть гарант, который возьмет на себя заботу о животном, в случае если принявший животное окажется не в состоянии о нем заботиться (по причине болезни или смерти); гарантия заверяется собственноручной подписью.

Там были другие условия, но эти три – самые главные.

Условия очень жесткие, но необходимые, сразу понятно, с какой любовью и ответственностью относятся к животным эти люди. Михо тут же начала искать поблизости жилье, где разрешалось держать животных.

Как она и предполагала, таких домов было мало, и арендная плата в них оказалась на удивление высокой – почти везде в два раза выше, чем в нынешней квартире.

Было понятно, что при ее зарплате снять такую квартиру не получится. И даже если она решится на авантюру, может случиться так, что на работе опять затеют реорганизацию или урежут ей зарплату, и тогда ее выставят из квартиры на улицу вместе с собакой. Была бы она одна – это еще полбеды, но тут же еще собака... Получается, она не сможет обеспечить животному нормальную жизнь.

И вдруг она поняла. Прочитанное на волонтерском сайте – это не только про собак, но и про нее саму. Дом, здоровье и, конечно же, деньги. Все это ей необходимо независимо от того, приютит она бездомную собаку или нет.

О родительском доме в качестве «последнего убежища», наверное, можно забыть. Выходить замуж в ближайшее время она не собирается. Что остается?

До недавнего времени фирма, где работала Михо, была для нее оплотом, источником спокойствия. Михо в нее верила. Но после ухода Матиэ поняла, что никакой стабильности в ее положении нет. До тридцати, может, особо беспокоиться не о чем, но где гарантия, что ее не вышвырнут на улицу, стоит ей стать немного старше?

Как же теперь жить?

Этот же вопрос задавали Михо маленькие песики, смотревшие на нее с фотографий.

Смогу ли я найти работу понадежнее, спрашивала она себя. Стабильную и с хорошей зарплатой.

Освоить востребованную профессию будет трудно. Для этого надо было серьезно учиться. В университете или в колледже. Например, на врача, медсестру, адвоката. Сейчас это нереально. Да и не такую работу она хотела.

Выходит, ничего не остается, как понемногу накапливать душевное спокойствие, ловить дзен?

Михо еще раз скользнула взглядом по фотографиям.

Что она может сделать?

Купить квартиру или дом, чтобы завести собаку?

Михо слышала рассказы о молодых женщинах, покупающих жилье, но не могла представить себя на их месте.

Она нерешительно открыла в браузере другую страницу.

Ей это, конечно, не по силам, но все же она должна знать, насколько это нереально.

Михо ввела в строку поиска: «Мэгуро. Квартиры», взглянула на результаты и вздохнула.

«Сэтагая. Квартиры».

Здесь вообще смотреть не на что.

«Сугинами. Квартиры», «Иокогама. Квартиры по линии „Тоёко“»,
«Тайто. Квартиры», «Сэтагая. Дом»...

Поиски продолжались до рассвета.

– Ну что, Миттян? Перешла в режим энергосбережения?

Был февраль. Выходной день. Михо сидела в гостях у сестры в ее квартире в Дзюдзё.

«Заезжай как-нибудь пообедать».

Сестра несколько раз приглашала ее по электронной почте. Возможно, Махо было стыдно за то, как они распрощались на Новый год в доме родителей.

Несмотря на внешность простой круглощекой домохозяйки, сестра была чувствительной и деликатной.

«Приезжай в воскресенье. Я соскучилась».

Решила немного подлизаться. Очень на нее похоже. Заманить к себе Михо. Приглашения следовали одно за другим, и в итоге Михо поддалась на уговоры. Но родительский дом, находившийся рядом, решила обойти стороной.

Квартирка, в которой жила семья сестры, как всегда, была чисто прибрана. На обед Махо приготовила гамбургеры в японском стиле и спагетти с мясным соусом. Обычное меню, что называется, без выпендрежа, типичное для дома, где растут дети. Гамбургеры оказались сочными и вкусными. Особенно Михо впечатлил поданный под конец домашний яблочный пирог.

Атмосфера за обедом была такая же принужденная, как на Новый год, и все же за столом сидели родные сестры. Михо рассказала, что ищет дом, где можно будет жить с собакой из приюта, и пытается накопить на него деньги.

– Ты что, Миттян, дом покупаешь? Даже не квартиру, а целый дом? Ну ты даешь! А нам, наверное, всю жизнь придется снимать.

После обеда шумная неугомонная Сахо послушно легла спать. У сестер появилось немного времени, чтобы пошептаться.

– Так с домом, может, проще, чем с квартирой.

Михо показала результаты своих поисков в смартфоне.

– Сейчас высокий спрос на квартиры, правильно? Поэтому дома стоят дешевле. Хотя от местоположения зависит.

– Да-а?

– Кроме того, при покупке квартиры нужно сделать взнос в резервный фонд и платить за содержание дома. Если посчитать расходы ежемесячно, то свой дом, пожалуй, выгоднее выйдет.

– Но в доме придется все делать самой. Потребуется куча денег и времени. Мама часто жалует, как тяжело содержать дом.

Вот что значит домохозяйка, ни одна деталь от нее не ускользнет.

– Ну, может быть. Вот есть такие варианты.

Михо показала сестре дома в недалеком пригороде, стоимостью от десяти миллионов.

– Вот, например, с садиком. Тринадцать миллионов восемьсот тысяч. Может, куплю такой когда-нибудь.

– Если брать вторичку, с кредитом проблемы могут быть.

Михо снова невольно восхитилась сестрой: откуда только у нее такие познания в финансовых вопросах? Впрочем, до замужества она работала в брокерской компании.

– Поэтому я и решила копить. Надеюсь, после Олимпиады¹⁷ жилье подешевеет.

Сестра улыбнулась и кивнула.

– Раз ты собралась играть в долгую, я спокойна. Значит, это всерьез.

– Конечно.

– Я было подумала, что это так... порыв. Домашнее животное, дом... это на всю жизнь. Это ответственность.

– Знаю.

Не стали ли приютские собаки лишь поводом для того, чтобы начать откладывать деньги и экономить?

Сначала история с Матизэ, потом разлад с Дайки. Эти события заложили основу для того, чтобы она пересмотрела отношение к жизни. А собаки сыграли роль спички, от которой вспыхивает костер.

Михо выпила вторую чашку чая, который сестра приготовила в том самом замечательном эмалированном кофейнике.

– Значит, надо накопить десять миллионов.

– Что?

– Придется покупать дом без всяких кредитов. Так что я должна накопить нужную сумму. Десять миллионов... Никуда не денешься. Хотя раньше Михо и не думала о таких деньгах.

– У меня такая же цель. Надо набрать десять лимонов. Сахо на учебу.

– Да ты что?! Неужели?! И сколько ты уже накопила? – непроизвольно вырвалось у Михо. Такой вопрос даже ее сестра постеснялась бы задать. Нет, нельзя о таком спрашивать. – Ой, извини! Не говори, если не хочешь.

– Шесть лимонов с небольшим, – коротко ответила Махо.

– Да-а?

Михо была поражена. Как сестра умудрилась отложить так много за шесть лет, прошедших после свадьбы? И это при муже, зарабатывавшем три миллиона в год, и ребенке.

– Один лимон я отложила до свадьбы. У Тайё вообще никаких сбережений не было. Из шести примерно треть крутится в доверительном управлении в инвестиционном фонде, а там, знаешь, случаются колебания. Когда Сахо родилась, я кое-что потратила. Вот, сколько накопила, столько и есть.

Похоже, Махо неправильно истолковала удивление сестры. Михо поспешила исправить положение:

– Что ты! Ты не так меня поняла. Я считаю, что это очень большая сумма. Почти миллион в год. Как тебе это удалось?

Раз у сестры получилось, значит, десять миллионов можно накопить за десять лет. Конечно, Михо не могла сказать этого вслух, но ведь у нее зарплата выше, чем у зятя, и нет ни ребенка, ни мужа, которых нужно кормить.

Михо еще раз взглянула на стол, за которым они сидели.

– Ты что, только тофу и мояси¹⁸ ешь? Зачем сегодня на пирог разорилась?

¹⁷ Имеются в виду XXII летние Олимпийские игры в июле – августе 2020 г.

¹⁸ Мояси – пророщенные соевые бобы, широко используемые в японской кухне.

Махо рассмеялась. Чувствовалось, что она гордится собой.

– Скажешь тоже! Мы всегда так питаемся. Деликатесов, правда, не бывает. На еду уходит двадцать тысяч в месяц.

– Ух ты! – второй раз за день удивилась Михо. – Я одна, а трачу по тридцать-сорок тысяч.

– В том-то и дело, что ты одна живешь. Ты же работаешь, готовить тебе не хочется.

– Как же ты ухитряешься столько экономить? – со вздохом спросила Михо. – Я тоже решила поменьше тратить, но не получается. В январе я готовила сама, во всяком случае, старалась. Но в конце месяца оказалось, что потратила еще больше. Точно не помню, сколько до этого у меня уходило, но все равно стало хуже.

Это была правда. Решив встать на путь экономии, Михо пошла в супермаркет, накупила продуктов. Хотела готовить ланч и брать с собой на работу. Даже купила в хозяйственной лавке кругленький ланч-бокс из натурального кедрового дерева. За восемь тысяч. Но ланч она приготовила только раз, продукты залежались, и почти все пришлось выбросить. Чтобы экономить электричество, она стала реже включать отопление, а вместо ванны принимать душ. В итоге простудилась – из-за переохлаждения, наверное; пришлось идти к врачу. Очень переживала, что выбросила продукты, и из-за стресса почти перестала есть дома. Вбила себе в голову, что с готовкой у нее ничего не получится.

– Ну а ты сколько накопила?

– Тысяч триста, около того...

– Всего?

Махо пристально посмотрела на сестру.

– Тебе нужно в корне изменить подход к делу. Почему бы не пересмотреть фиксированные расходы?

– Фиксированные?

– Ну, плату за квартиру, за сотовый; все, за что обязательно платить.

– Но они же фиксированные. Как их изменить-то?

– На еде и электричестве много не сэкономишь. Самое простое – это урезать фиксированные расходы.

– Хм-м, – задумчиво протянула Михо.

Квартира, которую она снимала в Ютэндзи, была удобной и очень нравилась Михо. Она гордилась, что живет в таком месте.

– Девяносто восемь тысяч? Никуда не годится. В этом районе и еда дорогая, и магазины все с претензией. Отсюда и цены.

– Наверное...

– Не наверное, а точно. Переезжай сюда. В Дзюдзё. Синдзюку отсюда ближе, на аренде тысяч десять-двадцать сэкономишь. Давай дальше. За смартфон сколько платишь?

– Тысяч десять в месяц.

– Вау! Зачем столько? У меня тариф – две тысячи. Если разговор до десяти минут – безлимитка.

Махо показала свой телефон. Розовый, очень симпатичный.

– Недорогой?

– По акции взяла. Смотри: двадцатка – аренда, восемь тысяч – смартфон. Вот тебе почти тридцатка в месяц.

– Дзюдзё?

– Дзюдзё – нормальный район. Здесь вкусная кулинария. И дешевая. Недорогие супермаркеты. Ужинать можешь у наших, они еще и с собой что-нибудь дадут.

– Но это...

Съезжая от родителей, Михо объявила, что будет жить сама по себе, самостоятельно.

– Они обрадуются. Я раз в неделю к ним захожу, так чего они мне только не наложат в сумку. Еще бабушку навещаю. Поди ей плохо – внучка с правнучкой в гости пришли! Это как называется: убить двух зайцев?

– Угу.

– А еще лучше тебе к ним вернуться! Будешь давать в месяц тридцатку, а все остальное откладывать! Вот как надо сделать.

– Ну уж нет...

Михо бессильно уронила голову на стол.

Все понятно.

Сестра была права. После паузы Махо предложила:

– Ладно! Попробуй для начала экономить по сто иен в день.

– Сто иен...

Она шутит? Или хочет сказать: «С тебя и этого хватит?»

– Что такое сто иен? На чашку чая или булочку в комбини экономить?

– Но ведь в месяц получится три тысячи. Почему бы не положить их в инвестиционный фонд?

– Это в банке?

– Можно и в банке, но лучше открыть счет в брокерской компании. Советую в индексный фонд вкладываться, там комиссионные минимальные. Соберешь три тысячи – приноси. Я тебя научу. И в брокерской тебя проконсультируют перед тем, как счет открывать. Кстати, они премию платят, если приводишь клиента. – И я чуть-чуть подзаработаю, – тихо, чтобы не разобрала сестра, с довольной улыбкой пробормотала Махо.

– Окей. По дороге домой куплю копилку.

– Вот дурочка! На копилку деньги будешь тратить?

Давно меня дурочкой не называли, подумала Михо.

Было в этом что-то ностальгическое, из детства. Правда, реакция Михо изменилась: теперь это слово ее не обижало.

– Тогда в стоиеновой лавке куплю.

– Это ни к чему. Вот что тебе надо.

Махо пошарила по кухонным полкам и достала жестяную банку с маленькой крышкой.

– Подружка с Гавайев привезла в подарок. Там орехи были. Копи на здоровье.

Проснулась Сахо, разговор пришлось прервать. Михо поблагодарила сестру и пошла домой.

Значит, сто иен?

Ничтожность суммы вызвала у Михо легкое раздражение – уж что-что, а сто иен я смогу отложить, думала она, сидя перед работой за чашкой фраппучино в кофейне *Seattle*.

Она просыпалась пораньше, заходила в кафе недалеко от офиса и строила планы на день. Это доставляло удовольствие и заряжало энергией. После этого Михо обычно заглядывала в комбини, покупала какой-нибудь напиток в пластиковой бутылке и шла на работу.

Но сегодня было по-другому. Она захватила в офис кружку-термос с чаем. Экономия – сто пятьдесят иен. Правда, до десяти миллионов еще далеко.

Монеты со звоном упали в банку из-под орехов. Михо поставила ее на рабочий стол, решив складывать туда все сэкономленные деньги. А вот до урезания фиксированных расходов, о котором говорила сестра, она пока не дошла.

До истечения двухгодичного контракта, к которому привязан ее смартфон, еще полгода. Потом можно будет заменить аппарат. Так и сделаем. Конечно, от дешевого смартфона всего можно ожидать, но ради миленького песика, пожалуй, стоит попользоваться страшным устаревшим телефоном. А вот как быть с арендной платой?

Михо всегда мечтала жить в западной части города. И теперь вернуться в родительский дом или поселиться поблизости... Признать свое поражение? Это все равно что покрутиться в городе, ничего там не добиться и под покровом ночи сбежать обратно в деревню. Михо никак не могла избавиться от этого ощущения.

Однако Махо не согласилась с ней, заявив:

– Рядом с Дзюдзё – Акабанэ. Сейчас очень много желающих поселиться в этом районе. Он в числе самых популярных.

Как еще сэкономить? Можно почитать книги на эту тему, на семинар записаться. Она ведь пока только с сестрой посоветовалась, которая все-таки не специалист в таких вопросах, и то получила столько дельных советов. А специалист может подсказать способы получше.

Размышляя об этом, Михо сделала несколько глотков фраппучино.

Вот опять! Не осилила и половины, а лед уже растаял, и напиток превратился в жиденький подслащенный кофе. С фраппучино всегда так – Михо никак не удавалось допить напиток до того, как он потеряет вкус.

Она чуть не ахнула. Разве этот кофе стоит таких денег? Еще раз взглянула на ценник.

В кафе Михо всегда расплачивалась банковской картой и цен как-то не замечала. Самый дешевый фраппучино – 420 иен (без налога). Простой айс-кофе – 280 иен (тоже без налога), а в комбини – 100 иен.

До сих пор Михо не обращала внимания на разброс цен. Подумаешь, какие-то сто иен. Нравится – пью.

Но если копить по сто иен в день, это совсем другая история.

В кафе ходить не перестану. Не хочу, думала она. Но чтобы посидеть здесь и подумать, достаточно айс-кофе.

– Здесь не занято?

Михо подняла голову и увидела небрежно одетого парня, с виду студента. Он указывал на соседний стул. Когда она вошла, почти все места были свободны, но за пять минут до начала зал уже был полон.

– Нет, садитесь.

Парень не был особо симпатичным, но от него веяло свежестью. Михо убрала сумку со стула.

– Извините.

В зале проходил семинар Суко Курофунэ, автора книги «8×12 – магические цифры». Она позиционировала себя как специалист по экономии и финансовый гуру, у ее книги был неплохой рейтинг.

Книгу Михо еще не читала. Она случайно увидела ее рекламу по телевизору, а потом нашла информацию о семинарах в интернете.

По случаю переиздания книги Курофунэ участие в семинаре стоило всего три тысячи. Михо понравился подзаголовок бестселлера: «Посвящается мужчинам и женщинам в возрасте от двадцати до сорока, прежде всего „офисным воротничкам“ и студентам, которым еще предстоит вступить на трудовое поприще».

Ведущий коротко представил госпожу Курофунэ, и наконец энергичной походкой вошла она – полная дама примерно того же возраста, что и мать Михо. Выглядела она толще, чем по телевизору. Вообще-то на экране люди обычно «поправляются». Мало кому удастся «похудеть».

– Господа! Прежде всего запомните *это*.

Не тратя времени на приветствия, госпожа Курофунэ приступила к делу – схватила фло-мастер и со скрипом вывела на белой доске:

8×12.

Те же цифры, что в названии книги.

– Этого достаточно. Вот что я хочу, чтобы вы запомнили. Пусть это отпечатается у вас на подкорке. Итак, сколько будет: восемь умножить на двенадцать?

– Девяносто шесть! – послышался голос из зала.

– Совершенно верно! Прекрасный ответ! Вы будете откладывать восемьдесят тысяч в месяц и еще по двадцать тысяч из двух ежегодных премий. И – о чудо! За год вы скопите целый миллион! А если вы будете откладывать по миллиону в год, то к выходу на пенсию в шестьдесят лет у вас наберется тридцать миллионов. Это если вам за тридцать. А если вы моложе, получится сорок миллионов. Положив деньги на вклад под три процента годовых, вы получите соответственно сорок девять миллионов и семьдесят семь миллионов шестьсот тысяч. За вычетом налогов. Безбедная старость обеспечена!

В зале послышались то ли смешки, то ли вздохи.

– Ага! Сейчас вам кажется, что это невозможно. Кажется, правда?

Михо, не прекращая смеяться, невольно кивнула в знак согласия. Краем глаза она заметила, что сидящий рядом парень тоже не может удержаться от смеха.

– Все вы сейчас находитесь под моими чарами, под властью моей магии. Достаточно один раз услышать эту волшебную цифру – восемьдесят тысяч, и она отпечатается в вашей душе. Вы будете стремиться скопить эти деньги. Даже если сразу не получится, вы будете идти к поставленной цели. Откладывайте по восемьдесят тысяч ежемесячно, а все, что за пределами этой суммы, тратьте, как вам заблагорассудится! Это касается и бонусов, за исключением двадцати тысяч!

Присутствовавшие на мгновение словно оторопели, а потом разразились хохотом. Дело в том, что госпожа Курофунэ завершила свой монолог с распростертыми на манер оперной певицы руками. Но аудитория развеселилась не потому, что увидела в ней предмет насмешек. Это был теплый смех, смех признания. Не переставая хохотать, Михо встретила глазами с соседом, это получилось как-то само собой. Парень ответил легким кивком.

– Сегодня вы с большой пользой потратили три тысячи. А теперь давайте посмотрим, как за месяц накопить восемьдесят тысяч. По пунктам. Прежде всего надо пересмотреть фиксированные расходы.

– Ой! – Михо чуть не вскрикнула. Эта дама что, за сестрой повторяет?

Михо перестала смеяться. Теперь она понимала, что над словами сестры стоит подумать и отвергать ее советы она не станет. Ну что ж, попробуем?

Получится у нее или нет – другой вопрос. Как студентка на семинаре, Михо послушно открыла тетрадку и приготовилась записывать.

История вторая

Устроиться на работу в семьдесят три года

Котоко Микурия, читавшая газету под тихое жужжание моторчика, резко подскочила.

«Манго банк»

Для тех, кто получает выходные пособия по возрасту!

Специальная процентная ставка – 2% годовых (после уплаты налогов)

Котоко наслаждалась массажем в кресле новой конструкции, пятнадцатиминутный сеанс был в самом разгаре. Кресло только так называлось; на самом деле конструкция больше напоминала кушетку – спинка была опущена под таким углом, что принять сидячее положение оказалось непросто.

– Очки, очки...

Не отрываясь от газеты, она шарила руками вокруг, напоминая стариков с карикатур известного мастера Ясуси Ёкоямы.

Очки лежали тут же, на столике возле кресла. Водрузив их на нос и прищурившись, Котоко внимательно перечитала объявление.

– Так, посмотрим... «Манго банк», для тех, кто получает выходные пособия по возрасту, специальная процентная ставка, два процента в год. Заявки на открытие депозита принимаются только от лиц, вышедших на пенсию по возрасту, и их супругов старше шестидесяти лет. Примечание.

У таких предложений всегда есть подводные камни, о которых пишут в самом низу. Конечно, Котоко, человек опытный, внимательно прочитывала все. Примечание было напечатано мелкими, как маковое зернышко, иероглифами, значительно меньше обычного газетного шрифта. Разобрать их человеку пожилому было трудно. Ему словно говорили: «Ну зачем утруждать себя!» Вот для таких случаев у Котоко всегда были при себе очки.

– Ставка в два процента применяется к депозитам на сумму свыше десяти миллионов иен, открытым на срок более трех месяцев, в течение первых трех месяцев. В последующие периоды ставка составляет 0,01 процента... Ага! Так я и думала.

Вот так работают эти компании. Привлекают клиентов высокими процентами, а через месяц или максимум через полгода переводят их на обычные фиксированные процентные ставки.

Впрочем, одна сотая процента – это еще щедро. Сейчас в Токио банки по обычным депозитам начисляют в среднем тысячную долю процента, размышляла Котоко.

– Идиоты! – вырвалось у нее. – Деловая активность вроде немного выросла, и вот пожалуйста – 0,001 процента. Сколько же банки заработают при таких ставках?

Но критиковать банки можно сколько угодно, а смысла в этом никакого.

– Десять миллионов под два процента на три месяца... Это сколько же получится? Пятьдесят тысяч?

Котоко встала с кресла и пошла на кухню, где достала из шкафа выдавшие виды деревянные счета и живо застучала костяшками. После школы она работала продавцом в универмаге на Гиндзе и на счетах считала быстрее, чем на калькуляторе.

– Готово! Если положить на три месяца десять миллионов, будет 49 998 иен. Вычитаем налог – остается 39 546 иен. Вот сколько можно получить.

Котоко взяла смартфон – он у нее уже три года, и искала информацию о «Манго банке».

– Название, конечно, доверия не внушает. «Манго банк», «Томат банк»... Что за идиотские названия!

Выяснилось, что «Манго банк» находился на Кюсю, в префектуре Миядзаки. Раньше, десять лет назад, он назывался более адекватно – «Торгово-промышленный банк Миядзаки». Региональные банки часто проводят рекламные кампании, стараясь привлечь новых клиентов высокими процентными ставками. Ни в какую Миядзаки ехать не надо, все, что требуется, – запросить по телефону пакет документов на открытие счета, заполнить их и перечислить деньги.

Цель таких кампаний очевидна – вытянуть у стариков накопленные средства. Несколько лет назад такие «акции», обещавшие «гарантированные пять процентов», проводили все подряд. Один банк, не спрашивая разрешения Котоко, даже построил модели управления ее сбережениями.

Тогда экономика была в глубокой рецессии, вызванной политикой Демократической партии. На дворе эпоха дефляции, акции упали, курс иены вырос, деньги вкладывать некуда. Котоко в какой-то момент чуть было не заглотила наживку.

Еще немного, и она бы угодила в западню. К счастью, внучка Махо, работавшая в брокерской компании, вовремя ее остановила:

– Ты что, бабушка! И не думай! Они пишут, что обязательно вернут твои сбережения плюс пять процентов, но нигде не сказано, в течение какого срока. Так до самой смерти ждать придется. Потеряешь деньги – сама будешь виновата. Это же чистой воды надувательство. – Ведь, казалось бы, большая, солидная организация, а какая жадность! – возмущалась Махо.

Но потом пришло новое правительство, экономика пошла в рост, так что Котоко, возможно, и получила бы свои пять процентов. Но в таком случае сотрудники банка, скорее всего, задрали бы носы и, как ни в чем не бывало, стали советовать ей снова вложить деньги. В конечном счете система устроена так, что банк всегда остается в выигрыше.

После того случая Котоко стала бояться вкладывать деньги куда-либо. Пока подруга не рассказала ей, что долгосрочные инвестиции – не единственный способ увеличить капитал.

Можно понемногу зарабатывать на банковских вкладах с высоким процентом, которые предлагают пенсионерам, получающим выходное пособие. Идея заключалась в том, чтобы подыскивать конторы вроде «Манго банка», предлагающие два-три процента на короткий период, и перекладывать депозит из одного банка в другой.

Котоко решила посоветоваться с внучкой. Махо внимательно изучила брошюру из банка и согласно кивнула:

– Это, пожалуй, прокатит. Но я тебе завидую, бабуля. Почему банки не предлагают такие ставки молодежи? Ведь нам это нужно для будущего.

Как ни сочувствовала Котоко сетовавшей на жизнь внучке, своим шансом она решила воспользоваться.

Может, это и нельзя назвать эксплуатацией стариков, но факт остается фактом: банки научились ловко присасываться к нашим сбережениям, поэтому, думала Котоко, не следует уступать им в хитрости.

И потом, разве не глупо не найти достойное применение унаследованному от покойного мужа состоянию, которое тот зарабатывал в поте лица? Муж работал в торговой компании и умер пять лет назад от рака легких. Он курил совсем недолго, в молодости, лет в двадцать с небольшим, поэтому у врачей почти не проверялся. А когда попал в больницу с сильным кашлем, было уже поздно – оказалось, что у него четвертая стадия, рак поразил лимфу и многие органы.

Поначалу управляться с такой суммой – все-таки десять миллионов – было хлопотно и тревожно. Но стоило привыкнуть – и дело пошло. Если банк находился не очень далеко от дома, Котоко складывала деньги в туристический рюкзак и ехала туда. Она обходила банки один за другим, перекладывая средства раз в месяц или раз в три месяца. Конечно, приходи-

лось заполнять много документов, но ей некуда было торопиться – проблем со временем у нее не было.

– Не переживаешь, что банкиры подумают, видя, как ты скачешь с места на место? – подшучивала над бабушкой Махо, но Котоко, у которой эти маневры вошли в привычку, мнение банкиров совершенно не волновало.

Она поставила себе цель – купить на проценты массажное кресло. И год назад, после трех лет банковских операций, ее достигла. Теперь у нее было именно такое кресло, какое она хотела.

Стоило оно четыреста тысяч с лишним. Кресло делало массаж всего тела – от шеи до ступней, не причиняя никаких неудобств. Теперь главным удовольствием Котоко стало устроиться в кресле с газетой и прочитать ее от корки до корки.

Однако начиная с прошлого года, то ли из-за улучшения экономической ситуации, то ли из-за того, что слишком многие взяли на вооружение тактику, к которой прибегала Котоко, выгодных предложений банки делали все меньше.

Объявление «Манго банка» стало первой крупной рекламной акцией после длительного перерыва.

У нее появился шанс. Впрочем...

Котоко дочитала объявление до конца и отбросила газету.

Кресло я уже купила, думала она. Что еще нужно?

Когда тебе ничего не хочется, это и есть роскошь. И Котоко была благодарна судьбе. Хотя...

Прежде ей все время чего-то хотелось. Когда ее сыновья были маленькими, им безумно нравился сладкий молочный *Yakult* с пробиотиком, в пластиковых бутылочках – он тогда только-только появился в продаже. Теперь он свободно продается в супермаркетах, а тогда стоил так дорого, что семье Котоко был не по карману. Но говорили, что *Yakult* очень полезен, и ей так хотелось видеть радость на лицах своих мальчишек, что она подчас отказывала себе в еде, чтобы купить им это «молочко».

Они вовсе не были бедными. Жили нормально, не лучше, но и не хуже других. Но деньгами не швырялись.

Котоко стряхнула с себя воспоминания и вернулась в настоящее.

Если она хочет воспользоваться предложением, надо позвонить в «Манго банк», запросить документы, заполнить их и отослать обратно. Затем пойти в банк, где лежат ее деньги, и сделать то, что нужно для закрытия вклада.

Котоко впервые подумала, что эта бумажная канитель наводит на нее тоску.

Странно. Ведь до покупки массажного кресла она получала удовольствие от этого процесса. Снимаешь деньги с одного счета, кладешь на другой... восторг! Она знала, что люди, даже ничего не покупая, часто испытывают душевный подъем от того, что прокручивают деньги. Возможно, это напоминает им какую-то игру.

Она как-то разом устала от этой возни.

Хотя достаточно было чуть-чуть подсуетиться, чтобы получить почти сорок тысяч.

Котоко больше не хотелось таскать по банкам свои миллионы еще по одной причине.

От мужа, кроме десяти миллионов, осталось несколько миллионов на счете в «Почте Японии». После его смерти пенсию Котоко урезали почти вдвое, поэтому время от времени ей приходилось снимать с этого счета деньги. В итоге там осталось всего несколько сотен тысяч иен.

Она подумала, что могла бы воспользоваться объявленной «Манго банком» акцией, но деньги со счета нельзя будет снимать в течение трех месяцев. А вдруг они ей срочно понадобятся? Что тогда делать?

Когда муж умер, накопленные им на почтовом счете несколько миллионов казались очень большой суммой. Котоко и подумать не могла, что они так быстро закончатся.

Десять миллионов были финансовой подушкой, обеспечивавшей уверенность в завтрашнем дне. Котоко рассчитывала на них в будущем, если придется перебираться в дом престарелых или перестраивать дом, чтобы обеспечить себе уход. От мысли, что когда-то нужно будет откупорить заветную кубышку, ей становилось не по себе.

Эта проблема мучила Котоко с прошлого года. Она безуспешно пыталась найти выход, но в конце концов решила меньше об этом думать.

Реклама банка вновь поставила перед ней болезненный вопрос.

– Мне бы ваши проблемы, – добродушно рассмеялся Ясуо Комори, выслушав рассказ о рекламной кампании, в котором Котоко не упомянула, что ей не хватает пенсии.

– Да уж.

– Если бы я получил сорок тысяч, тут же нашел бы им применение. Миллиона хватит на год с небольшим, а на сорок тысяч можно жить полмесяца. Будь у меня такие деньги, я бы месяц путешествовал. В Бангкоке сейчас замечательно, правда, на Каосан в последнее время все стало очень дорого. Может, в Малайзию, на Малакку бы подался – расслабиться. Да и дома тоже неплохо, сиди и читай сколько хочешь.

Загорелое лицо Ясуо расплылось в улыбке.

Ясуо и Котоко дружили, несмотря на разницу в возрасте.

Впервые они встретились в ноябре позапрошлого года в хозяйственном гипермаркете недалеко от дома Котоко.

Она стояла в отделе садоводства, смотрела на пластиковые контейнеры с рассадой фиалок и никак не могла решить – покупать или нет.

Контейнер, в котором было тридцать горшочков с кустиками рассады, стоил шестьсот иен. То есть двадцать иен за кустик. На удивление дешево. Видно, поставка была слишком большая, теперь пришлось распродавать остатки. Рассада потеряла товарный вид, поэтому ее отдавали почти даром.

Присев на корточки, Котоко рассматривала каждый кустик.

Одни без бутончиков, другие сморщились, потемнели и держались из последних сил.

А третьи, напротив, тянули к солнцу длинные изогнутые стебли с полностью распустившимися и уже начавшими увядать цветами.

Каждый, кто хоть немного разбирается в цветах, сразу бы понял, что рассада не захла. Стоит пересадить ее в хорошую почву, обрезать переросшие стебли и увядшие цветы, внести удобрения, и фиалки зацветут. На дворе еще только ноябрь, а цветение продолжится до длинных майских праздников.

Тридцать горшочков – это много. Котоко, приехавшая в гипермаркет на электровелосипеде, все бы не увезла, да и места в садике перед ее домом не хватило бы для такого количества. Вот штук пятнадцать в самый раз... Можно посадить у входа в дом, не пройдет и месяца, как они расцветут. Такая красота будет – загляденье. И всего-то за триста иен...

Больше всего Котоко огорчало, что после распродажи рассаду, скорее всего, выбросят, если она ее не купит. При мысли об этом становилось так грустно, что даже щемило в груди.

– Ого! Ну и скидки!

За спиной послышался молодой голос, сразу вернувший Котоко к действительности. Обернувшись, она увидела загорелого парня с приятной улыбкой, смотревшего на нее сверху вниз. Котоко поспешно поднялась с корточек.

– Очень дешево. Хотел купить, но мне не надо так много.

– Вот-вот, – не раздумывая, ответила Котоко. Обычно она настороженно относилась к незнакомцам. Человек в возрасте, живет одна, имеет кое-какие сбережения. Еще не хватало

с каким-нибудь ненормальным столкнуться. Вон сколько ужасных историй и по телевизору, и в газетах. И в журналах, которые она иногда читала в библиотеке.

Но на этот раз Котоко не стала осторожничать: разговор происходил в отделе садоводства, и ей было радостно от того, что нашелся человек, думающий так же, как она. С виду парень был обыкновенным – не красавец и не урод, но он улыбался обезоруживающей улыбкой, и вообще производил приятное впечатление.

– Уверена, когда принесу их домой, они оживут.

Мужчина тоже присел на корточки перед контейнерами с рассадой и осторожно прикоснулся к листочкам.

– С корешками вроде все нормально.

Хоть Котоко и не знала этого человека, было приятно просто поговорить о цветах.

– С ними все в порядке будет. Нужно только пересадить и поухаживать немного.

– Да, наверняка. Но я не могу все пристроить у себя в саду. Месяц назад я много высадил. Тогда они шли по восемьдесят иен. Хотя еще немного кустиков поместится.

– Ну, восемьдесят – это тоже недорого. А вот я не удержалась, когда цену со ста пятидесяти опустили до ста.

– Пospешили чуть-чуть.

– Да, но хотелось посадить пораньше, чтобы зацвели к началу осени.

– Понимаю. Будь у меня деньги, я бы тоже купил, – сказал парень, касаясь засохшего цветка.

– Если цветы никто не купит, их выбросят, наверное?

«А давайте вместе купим?» – эти слова вертелись на языке у обоих. Они непроизвольно встретились глазами и улыбнулись.

– Да, давайте.

Котоко попыталась заплатить большую часть суммы, но Ясуо наотрез отказался.

О том, что у него проблемы с деньгами, Котоко догадалась, когда парень вскользь коснулся этой темы. Однако у нее сложилось впечатление, что Ясуо не жадный. Иначе разве стал бы он настаивать на том, чтобы заплатить за покупку поровну? Пока они расплачивались и делили рассадку, Ясуо успел рассказать, что живет в маленьком старом доме с крошечным садиком на противоположной от Котоко стороне торговой улицы Дзюдзё.

Он приехал на мотоцикле и предложил довести ее рассадку, но она отказалась.

Тогда Котоко еще ничего не знала о Ясуо и подумала, что у него семья, маленький ребенок, вот денег и не хватает. А днем в гипермаркет он пришел в свой выходной. Возможно, у него посменная работа, как у мужа Махо.

После того случая Котоко время от времени встречала Ясуо в том же гипермаркете или в торговом пассаже Дзюдзё. Теперь, когда они были знакомы, было бы странно расходиться молча.

Всякий раз, увидев Котоко, Ясуо подходил с сияющей улыбкой, с какой подходят к добрым знакомым или дамам сердца, и приветливо спрашивал: «Как ваши фиалки? Мои уже вовсю цветут» или говорил: «Что-то похолодало. Может, еще раз подрезать фиалки до конца года?»

Как-то в начале весны он предложил Котоко выпить чаю. Она насторожилась: уж не хочет ли он втянуть ее в какую-то секту или авантюру, но подумала, что скажет «нет» и все. Они пошли в дешевую кофейню.

Там Котоко узнала, что Ясуо не женат, детей у него нет, постоянной работы тоже, что его по полгода не бывает дома – он либо путешествует за границей, либо уезжает на заработки. Дом, где он живет, принадлежал его бабушке, построен полвека назад, и он там вроде временного жильца-управляющего.

И что он настоящий «бабушкин сынок».

– Денег у меня нет, но бабушка очень любила свой сад, так за ним ухаживала. Вот я и хочу, чтобы там, по крайней мере, был порядок.

После этих слов Котоко окончательно ему поверила.

– Все-таки вы порядочно накопили.

Ясуо собрался за границу и принес ключ от дома, чтобы Котоко в его отсутствие могла поливать цветы в саду и проветривать помещения.

Прежде он обращался с этой просьбой к соседке, но она совсем состарилась, ослабела и уехала к дочери в Иокогаму. Так что с осени эту функцию стала выполнять Котоко.

– Бабушка! Стоит ли пускать в дом такого человека? – нахмурившись, спросила Махо, когда Котоко рассказала ей о Ясуо. – Вдруг он вор или аферист.

– Но у меня же ключ от его дома.

– А вдруг это ловушка, чтобы усыпить твою бдительность?

– Ну уж ты придумаешь!

– У него даже нормальной работы нет.

Это было правдой. Ясуо действительно нигде не работал постоянно.

Надо признать, что именно из-за отсутствия у Ясуо постоянной работы у Котоко вначале возникали сомнения в его серьезности и порядочности. Подрабатывать он мог на Окинаве или Хоккайдо – там много сезонной работы. Похоже, быстро привыкал к новым местам и так же быстро приобретал нужные навыки. Мог ухаживать за престарелыми, умел выслушать человека, кем бы он ни был. Поэтому и мог себе позволить жить как перелетная птица.

Присматривая за его домом, Котоко разговорилась с соседями и убедилась: все, что Ясуо рассказывал о своем прошлом и нынешнем положении дел, – правда.

Как бы там ни было, теперь Котоко верила Ясуо и относилась к нему тепло и благожелательно.

– Я вам сувенир какой-нибудь привезу. И еще – там поспевают горошек, так что угощайтесь на здоровье, не стесняйтесь.

– Спасибо. Обязательно.

В это время года растения не требовали частого полива. Их уже высадили в землю, так что достаточно одного раза в неделю. Но можно и чаще, свободного времени у Котоко достаточно; она же на пенсии.

– Большое спасибо. Я ваш должник.

Тогда Котоко и рассказала ему об объявленной банком акции и о процентах. Получилось как-то само собой.

– Такие деньги... Мне об этом только мечтать.

«Эх! Может, и не стоило все ему выкладывать. Хотя бы сумму не надо было говорить», – с легким сожалением подумала Котоко.

Ясуо, кажется, не заметил ее сомнений и беззаботно рассмеялся.

– Это не такая уж большая сумма. В моем возрасте у всех есть сбережения.

– Даже не знаю, что сказать. Когда умерла бабушка, я нашел за алтарем только старые, довоенные деньги – десять тысяч и сто иен. Наверное, она думала, что они чего-то стоят. Вот и все ее богатство.

– Но еще же есть дом.

– Эта старая развалина? Да она годится только для костра, чтобы нагреть воду для ванны.

– Не говорите так. Дом, конечно, не очень, но ведь есть земля. В Дзюдзё. Она чего-то да стоит. Не так много, как в лучшие времена, но все-таки...

– Ну, может, вы и правы. А вы что же, всю жизнь экономили, чтобы столько накопить?

– Да просто повезло. Время было такое.

Котоко покачала головой. Ей не очень хотелось говорить о своих деньгах. Но Ясуо словно не заметил этого и продолжал:

– То есть период экономического роста?

– Ну, отчасти. Когда я только пошла работать, мне платили десять тысяч. А когда уходила со службы, получала в пятьдесят раз больше. И все благодаря этому самому росту.

Котоко хотела прекратить разговор, но слишком любила эту тему. Читала ли она газету, смотрела ли телевизор, связанные с прибылью и убытками мысли так и лезли в голову.

– А вот нынешней молодежи не повезло. Вам можно только посочувствовать, – пробурчала она себе под нос.

– Мама научила меня записывать расходы. Веду бухгалтерию. Что еще я могу?

– У вас есть книга расходов?!

– Ох уж эти гроссбухи! Последнее, что меня интересует в жизни! – не выдержал Ясуо, срываясь на крик.

– А моя мама родилась в 13-м году Тайсё, то есть в 1924-м. О книге расходов впервые написали в женском журнале в 1904 году, когда началась война с Россией.

Наверное, ему совсем не интересны разговоры о таких вещах, подумала Котоко. Но Ясуо делал вид, что слушает, и не забывал поддакивать.

А может, у него это врожденная черта – втираться в доверие, преследуя свои цели? – гадала Котоко.

Даже после разговора с Ясуо Комори Котоко никак не могла решить, стоит ли ей класть деньги в «Манго банк».

Если подавать заявку, то чем раньше, тем лучше. Сначала нужно позвонить в банк и попросить, чтобы прислали документы. А потом все оперативно проверить в другом банке – том, где пока лежали на депозите ее деньги. Надо, надо... Но Котоко только думала об этом и ничего не предпринимала.

Прежде она бы быстро разобралась с этим делом. Но сейчас, лежа в массажном кресле, никак не могла сосредоточиться.

Конечно, как говорил Ясуо, проценты будут на что потратить. Но пенсии на нормальную жизнь не хватало, и сейчас у нее на руках просто нет денег.

Она тяжело вздохнула. Вздох получился таким глубоким, что в голове промелькнуло: «Остается только вздохать».

Что ж, в такой ситуации важно следить за расходами, все записывать, подумала Котоко и решительно встала с кресла.

Когда ее муж уволился из торговой компании, ему было за шестьдесят, потом он еще пять лет проработал в дочерней фирме.

Когда муж ушел на пенсию, им с Котоко, как супругам, раз в два месяца перечисляли чуть меньше двухсот шестидесяти тысяч.

Не бог весть какие деньги, конечно, но тогда у них еще были сбережения на почтовом счете. Они много путешествовали и не испытывали недостатка в деньгах.

Но вот Котоко осталась одна с пенсией около восьмидесяти тысяч в месяц.

Сначала она подумала: «На что мне деньги тратить? Роскошь мне не нужна, буду следить за домом, жить тихо».

Но все пошло не так, как предполагала Котоко.

Хотя она готовила только себе, денег на еду уходило почти столько же, сколько при муже. Зато теперь, когда Котоко осталась одна, подруги стали чаще, почти каждый месяц, приглашать ее куда-нибудь: то в Акабанэ открылся новый итальянский ресторан, надо сходить пообедать, то надо бы съездить в Фукусиму поесть персиков. Когда они жили с мужем, такого не было.

А еще траты на одежду и обувь, ведь в одном и том же все время ходить не будешь.

Конечно, всегда есть выбор – можно и отказаться. Но ведь она старела, и ей казалось, что в оставшиеся годы самое важное – это время, которое проводишь с друзьями и семьей. Как в один голос говорили подруги, деньги на тот свет не унесешь и в гроб с собой не положишь.

Но Котоко не знала, сколько денег уйдет на уход, когда она станет немощной, или на больницу, если заболит.

«На тот свет деньги не унесешь, надо на этом тратить», «Сколько денег ни имей, беречь их все равно нужно, потому что никто не знает, что может случиться». Кто может говорить такие взаимоисключающие вещи? Старики.

На днях подруга сообщила Котоко, что уход за престарелыми обходится в среднем более чем в девятьсот тысяч в год, то есть за пять лет уйдет больше пяти миллионов. Раз так, трогать те самые десять миллионов нельзя ни в коем случае.

Хоть бы бог подсказал, что будет, думала Котоко, открывая книгу записей расходов по хозяйству.

«Проживешь восемьдесят лет, умрешь от рака, уход тебе не понадобится», или «Умрешь утром во сне, серьезно не болея, в возрасте семидесяти восьми лет», или «Упадешь и будешь прикована к постели, так что копи деньги».

Конечно, узнать о себе такое – это потрясение, зато, зная будущее, можно как-то к нему подготовиться.

Однако в реальности таких добрых богов не существует, вот и приходится – хотя бы для самоуспокоения – записывать расходы в книгу и вести подсчеты.

Котоко с тревогой ждала выхода на пенсию. Но когда она заглянула в книжный магазин и полистала «Книгу расходов по хозяйству для пожилых» и «Журнал ведения расходов по хозяйству на пенсии», у нее отлегло от сердца.

Отличия от обычных книг расходов состояли в том, что вести учет за месяц надо с пятнадцатого числа, когда происходит выплата пенсии, колонка «Расходы на лечение» должна заполняться подробно, а промежуточные итоги для упрощения расчетов нужно подводить раз в два месяца.

«Книга расходов по хозяйству для пожилых» основана на системе учета семейных финансов, которую в Японии внедрила первая в стране женщина-журналист Мотоко Хани. Обложка со знакомой фамилией – «Хани-сэнсэй!» – вселила в Котоко уверенность.

В первый пенсионный год Котоко взяла на вооружение «Книгу расходов по хозяйству для пожилых», а начиная со второго перешла на «Журнал ведения расходов по хозяйству на пенсии». Он оказался немного проще, да и дешевле.

Открыв журнал, она достала из кошелька чек за вчерашние покупки и аккуратно записала сумму.

От этого на душе стало спокойнее.

Примерно через неделю после отъезда Ясуо за границу позвонила невестка Томоко:

– Давно мы с вами не разговаривали.

Звонок был по городскому телефону, которым внушки Котоко не пользовались.

Смартфон Томоко не покупала, обходилась простым мобильником и менять его, похоже, не собиралась.

– Наша мамочка – отсталый человек. Со смартфоном могла бы нашим любимым мессенджером *LINE* пользоваться. И зачем этот проводной телефон нужен? Как память только.

Махо не переставая ворчала по этому поводу, но, как ни удивительно, люди из поколения Томоко – те, кому за пятьдесят, нередко более консервативны, чем поколение Котоко. Томоко была старше поколения, освоившего компьютер на работе, и имела смутное представление о гаджетах и интернете. Ее дочери чувствовали себя в этой сфере как рыбы в воде и всегда помогали матери, так что напрягаться ей не приходилось.

Если Томоко было что-то непонятно, она заглядывала в словарь или шла в библиотеку, чтобы отыскать нужную книгу. А если ответа не находила, звонила дочерям и просила посмотреть в интернете.

– Вообще-то, я хочу вас кое о чем попросить, – сказала Томоко.

Она и меня хочет привлечь к поискам в интернете? – мелькнуло в голове у Котоко.

– На Новый год мы готовили осэти.

– Осэти? Ну да. А что? – удивилась Котоко, не ожидавшая такого разговора.

– Я ведь занимаюсь английским. Вы же знаете.

Что восхищало Котоко в невестке, так это горячее желание совершенствоваться, узнавать новое.

Это типично для женщин, чья молодость пришлась на период бума в экономике. У Томоко всегда были увлечения – то йога, то теннис, то аранжировка цветов. Получив диплом по французской литературе, Томоко не перестала заниматься английским и французским. Даже когда дочери учились в старших классах и семейные расходы были велики, Томоко ходила в районный дом культуры на какие-то недорогие курсы.

Она мечтала, как в будущем, когда Кадзухико уйдет с работы, отправится с ним в морской круиз на шикарном лайнере и будет там разговаривать с иностранцами по-английски и по-французски.

Но она ни разу не сказала Котоко: «А поедemте с нами?»

Котоко ни в какие круизы ехать не собиралась, но иногда ей хотелось, чтобы ее пригласили хоть разок, просто из вежливости. К внукам у нее претензий не было, а вот невестка невольно вызывала досаду.

Котоко долго пыталась достучаться до Томоко, сблизиться с ней. Та встречала эти попытки с улыбкой, но стоило свекрови сделать еще шаг навстречу, как она встречала отпор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.